

Юрий Манаков

ДОРОГА ХОРОШО ЛЕЧИТ

Путевые заметки

1

Билет на поезд Москва – Новосибирск я взял, как всегда, недели за три, чтобы и выбор нижнего места был, и чтобы мне, уже не обременённому неясностью с датой отъезда, оставалось время вдумчиво и неторопливо подготовиться к предстоящему путешествию: начинать помаленьку складывать вещи в рюкзак, округлять текущие дела, сообщить друзьям на Рудный Алтай, когда ждать меня, чтобы встретили...

Всё вроде срасталось неплохо, если бы не одна неприятная закавыка: после Барнаула надо было пересекать границу с Казахстаном. Здесь у нас, в России, пресловутый ПЦР был давно отменён, а вот соседняя республика пока еще артачилась. Из телефонного разговора с тамошней знакомой, у которой сват работал водителем автобуса на международном маршруте Усть-Каменогорск – Барнаул, узнал, что только в его недавнюю поездку на казахской границе было снято с рейса пятеро российских пассажиров из-за отсутствия у тех этого злополучного ПЦР.

Было о чём задуматься. Невольно вспомнилась прошлогодняя осенняя поездка на родину, когда я едва не влип в примерно такую же историю. Все помнят, как свирепствовали в мире в минувшую пандемию и сам вирус, и власти. И трудно сказать, кто из них больше... Целый год и четыре месяца из-за захлопнутых с вселенским треском границ не мог я посетить свой милый край, подышать алтайским горным воздухом, проведать и поправить могилы родителей. И лишь границы чуток приоткрыли, я и засобирался в путь. Ни автобусы, ни поезда в Казахстан и обратно еще не курсировали, однако предприимчивые парни и с той, и с другой стороны отладили любопытный маршрут. Желающему уехать нужно было просто позвонить по определённому телефону в Новосибирск и обговорить дату и время выезда. Из этого города на микроавтобусе тебя довозили до российской границы. По нейтральной полосе пешком переходил на казахстанский участок, регистрировался на пограничном контроле, и на выходе с КПП тебя ожидал примерно такой же микроавтобус, но только с номерами сопредельной республики.

К поездке, как мне казалось, я подготовился основательно: поставил две прививки от ковида, заполучил на руки красивый сертификат. Всё, теперь и я никому не разносчик, и ко мне ничего не пристанет, победно и весело думалось в дороге, когда наш микроавтобус бесшумно катил по шоссе из Барнаула в Рубцовск; еще каких-то сотня километров – и пограничные вышки.

– Скоро подъедем, – обернулся в салон водитель Сергей. – Еще раз проверьте документы и свои ПЦР. Без них лучше и не соваться... Махом завернут!

Соседи полезли кто в сумочки, кто в карманы, и лишь я беззаботно сидел и беспечно поглядывал кругом. Водитель через висевшее над ним зеркало обзора быстро и вопросительно посмотрел на меня.

– Я – с сертификатом о прививке, – громко пояснил я.

– А ПЦР?

– Мне-то он зачем? Я ж привитый!

– Когда созванивались, почему не спросили про него?

– Так прививка же...

– Кому она нужна, кроме вас, эта чёртова прививка?.. – водитель сокрушённо покачал головой. – Наши-то выпустят, а казахи у себя шагу не дадут ступить без него...

– Делать-то что? – начал я лихорадочно соображать. – Сейчас утро... Может, в Рубцовке есть круглосуточные пункты, чтоб сдать экспресс-анализ?

– Глухо, как в танке, – беззлобно усмехнулся Сергей. – Могу завезти в город, а там уж сами ищите, как сделать... Только вот ждать не буду. У нас всё по времени. С той стороны тоже люди...

– И чё, вообще никаких вариантов?

Шок от новости проходил, я, как случалось и раньше, теперь, после минутной паники, мало того, что внутренне весь собрался, но и мной начинал овладевать отчаянный азарт: а кто кого?.. так просто не дамся! На крайняк подальше в степь уйду и там перейду! Зря, что ли, трое суток в поезде тряся?

Однако все мои бесшабашные полёты приземлил ровный голос Сергея:

– Есть вариант.

Водитель снова через зеркальце заглянул мне в глаза и ухмыльнулся:

– Как говорится, звонок другу... Вот только б он на месте оказался. Кстати, деньги на карте имеются?

– Только наличка...

– Не-а. Надо чтоб с карточки на карточку перевели.

– Жене позвоню, у неё есть, – хватило пары секунд сообразить. – Сколько?

– 1700... Переговорю... и звоните. Алё, Коля? Здесь такое дело – срочно нужен ПЦР, – Сергей помолчал, выслушивая собеседника. – Добро. Счас же и отправим. Жди.

И уже мне:

– Вот номер его карты. Пусть жена пересылает...

«Оперативно пашут мужики, – отметил я про себя, изучая сброшенную буквально через пятнадцать минут на мой сотовый фиктивную справку. Запоминал всё наизусть, на тот случай, если порубежные погранцы заинтересуются адресом и датой выдачи, и не сдержал усмешки победного облегчения: – Выходит, что и по деньгам выиграл почти полторы тысячи, ведь у себя в Мытищах за эту бумажку пришлось бы выложить около трёх тысяч рублей».

На границе всё прошло без сучка и задоринки, единственное, о чём спросил молодой лейтенант с золотистыми погонами на серо-зелёном кителе: а где, мол, бумажный вариант. На что я, пожав плечами, простодушно ответил, что, дескать, все уверяли, что теперь достаточно показать электронную версию.

Казах сделал строгим смуглое скуластое лицо и назидательно произнёс:

– Мало ли что услышите на улице. Правило по переходу границы никто не отменял. Пока идите, но в следующий раз этот номер не пройдёт.

Вот теперь было о чём задуматься. Поезд до Новосибирска идёт пятьдесят четыре часа, и там еще около восьми до пограничного пункта. Справка же действительна лишь двое суток, поэтому сдавать анализы в Подмоскowie бессмысленно. Как выяснил, и при сдаче в Барнауле раньше, чем через день, результата не будет, поэтому, посоветовавшись с младшей дочерью, решили брать билет на самолёт до столицы Алтайского края. Выяснилось, что перелёт займёт всего-то четыре часа, и стоимость даже чуть дешевле, чем в плацкарте. Только мы провернули этот обмен, как в насмешку над нашими хлопотами пришло сообщение, что и Казахстан наконец-то отменил обязательный ПЦР при въезде на свою территорию. Однако, как говорится, нет худа без добра: пару деньков было сэкономлено...

Ночной полёт почти не оставил впечатлений, кроме одного – сосед справа, у иллюминатора, так сладко похрапывал и причмокивал, что хотелось к нему присоединиться, но смолоду в самолётах спать, да еще сидя, не умею. Приземлились в пять утра. Давненько же я не был в этом аэропорту, а он всё такой же, как в пору моего студенчества: небольшой, уютный, вот только на привокзальной площади от машин в глазах рябит, и не так-то просто отыскать автобусную остановку. Да еще и настырная мошка отовсюду лезет в нос, глаза и уши.

Ближайший автобус из Барнаула в Усть-Каменогорск уходил в восемь вечера; в запасе было целых двенадцать часов. Краевая автостанция и железнодорожный вокзал располагались буквально в двух шагах друг от друга. По опыту знал, что на вокзале есть приличная комната отдыха, и стоимость койко-места вполне приемлемая. Сейчас куплю билет, и напрямик туда. Хоть отосплюсь с дороги, размышлял я, входя в здание автовокзала. И уже приготовил купюры для оплаты билета. Однако кассирша огорошила решительным ответом: билетов на Усть-Каменогорск нет. Ни на сегодня, ни еще на ближайшие три дня.

– А делать-то что?.. – не хотел бы я видеть в эти минуты своего растерянно-удручённого лица.

– Не знаю... И вообще... не мешайте работать. Отойдите от кассы.

– Пойдите-ка, уважаемая, с чего это я должен так просто сдаваться?.. Какие еще рейсы на Казахстан у вас есть?

– Я вам не справочная, – недовольно буркнула кассирша, но, как заметил я, глазами пробежала по монитору и тут же равнодушно обронила: – На Семипалатинск на 11 утра.

– Так что ж вы раньше-то молчали! – радостно вырвалось у меня. – Один до Семска! И желательно с местом у окна!

Конечно, ехать до Семипалатинска – это с границы в противоположную сторону от Усть-Каменогорска, ну да ладно, главное – пересечь, а там уж разберёмся...

При осмотре на пограничном КПП выбрал минутку и подошёл к водителю автобуса, пожилому сухощавому русскому мужчине в тёмных очках:

– А не подскажите: через Бородулиху будем проезжать?

– Нет, она останется в десятке километров. А что?

– Да мне в Семск-то и не нужно. В Усть-Каменогорск бы попасть... Друг уже в дороге на машине.

– Пусть едет в Дмитровку, там на перекрёстке у остановки ждёт.

Садилось степное солнце, освещая косыми, но всё ещё раскалёнными лучами саманные и кирпичные дома и редкие запылённые пирамидальные тополя на центральной улице деревни, когда я, благодарно помахав рукой водителю, направился через дорогу к знакомой иномарке моего старинного друга и самобытного поэта Александра Демьяновича Исаченко, что, ожидая меня, стоял у капота и приветливо улыбался. Обнялись, похлопали друг друга по плечам, проверили хватку. Годится!

– Чайку будешь? У меня в термосе травяной.

– А водички нашей, горной захватил?

– А как же! На заднем сиденье во фляжке. Правда, уже согрелась, не студёная – ехал-то больше трёх часов.

– Пойдёт...

– Зимовская. Набрал у Петровича. Он сказал, чтоб мимо не проезжали.

– Так звони, Демьяныч. Пусть баньку топят.

– Лады.

К Зимовью подъезжали ближе к одиннадцати вечера. Сейчас дорога петляла между долгожданных лесистых сопок. Свет фар выхватывал из сумрака высокие пирамиды изумрудных пихт. На душе повеселело: всё, я дома, раз вновь воочию вижу родной бархатистый пихтач! Дело в том, что, проехав Усть-Каменогорск, мы по шоссе попали сначала в алтайские предгорья со старыми кержацкими сёлами Белокаменкой, Секисовкой, Быструхой, где по склонам лишь заросли черёмухи, акации и крушины да зелёные стены снегозащитных тополей вдоль трассы, за которыми обширные поля пшеницы, гречихи и подрастающего подсолнуха, но это не моё. А настоящая тайга, она начинается с Зимовья. И горы в обманчивых июньских сумерках теперь на пути прорисовывались значительные, и всё такие же зовущие и до слёз родимые! И до каждого изгиба не только знакомые, но в своё время изученные и пройденные вдоль и поперёк. Как же мы в детстве и юности с ровесниками любили на них взбираться, покорять их скалистые вершины!

Для русского человека банька с дороги – это первое дело! Сухой горячий жар, широкий полок, влажный распаренный берёзовый веничек, а если не полениться спуститься за ограду к говорливой речушке Топкуше, где на берегу среди зарослей буйной крапивы обильно растёт и благоухает душистая мята, так это вообще праздник души. Замочишь мяту, расстелешь по полку сорванные попутно лопушистые листья хрена, подвесишь на стенку пучки терпкой полыни, уляжешься, вдохнёшь полной грудью этого благолепия, сомлеешь, да так примешься охаживать себя веничком, что тело запылет и жарко задышит, а потом – да с разбега в студёную, речную заводь! Окунёшься с головой, вытянешься по течению, охолонешь и – снова в парную! И так не меньше четырёх-пяти раз. После этого закутаешься в просторное махровое полотенце и по тропинке не спеша направишься в избу на пригорке, где седобородый и жилистый Петрович потихоньку хлопочет у стола.

Демьяныч же от бани отказался и, чуток опнувшись, уехал к себе в Черемшанку, сказав, что, дескать, уже поздновато, а завтра рано вставать.

Николаю Петровичу Герасимову за восемьдесят, но мужик он крепкий, не просто жилистый, а будто весь высеченный, если и не из камня, то уж из цельной лиственницы точно! Мало того что всегда при встрече норовит передавить мою ладонь своим железным рукопожатием, хотя я и не поддаюсь, поскольку и сам природой не обижен, да и жизнью натренированный – без малого десятков лет доил корову, а это, скажу вам, для рук получше любых эспандеров и тренажёров, так вот, он еще мне, если зазеваюсь, не оставляет и обещанных дров поколоть. Поясню. Когда по несколько месяцев обитаю в родных местах, люблю бывать в гостях у Петровича. И случается весьма удачно, если подгадываю к подвозу ему во двор свежих напиленных чурок. Тут уж отвожу душу, лишь бы колун был подходящий, килограмм на пять-семь. Переколю всё, попарюсь в баньке с устатку и – домой. Перед отъездом договариваемся, что как только прибудет новая партия дров, он сообщит, а я мигом прибегу. Но звонка всё нет и нет, тогда я собираюсь, выхожу на поселковую автобусную остановку и еду в Зимовьё. А там вновь привезённые дрова уже поколоты и возвышаются золотистой копной над забором, а то уже и убраны в поленницу.

– Петрович, ты же обещал?..

– Да, думаю, пока ты приедешь... а мне-то делать особо нечего, вот и прибрал. Зато в другой раз точно не трону.

И такое у нас повторялось если и не через раз, то довольно часто. А ведь так хотелось помочь старику, да и просто поразмяться-покуражиться... Потому что смолоду сам люблю колку дров, а если они к тому же еще берёзовые или осино-вые, так это вообще курорт! Бесплатный оздоровительный санаторий.

Переночевали. После бани на свежих хрустящих простынях спалось как в детстве: сладко и с безоблачными снами. Поутру на остановку на горе взбежал легко, а тут и рейсовый автобус. На следующий день с младшей сестрой Лидией, у которой всегда останавливаюсь, когда приезжаю, отправились из пригородного посёлка 4-й район в Риддер, потому что еще на границе казахские служивые строго наказали зарегистрировать своё прибытие в местной миграционке в течение трёх дней, иначе, дескать, пеняйте на себя. А с пограничниками, кто бы они ни были, всегда нужно ухо держать востро. У них даже к шуткам отношение своеобразное.

Как тут не вспомнить один случай, к которому оказался причастен и я, хоть и невольно. Произошло это лет пятнадцать тому назад. Настоятель нашего поселкового храма иконы Божьей Матери «Нечаянная радость» отец Андрей по церковным делам поехал однажды в Барнаульскую епархию. А за несколько дней перед этим я подарил ему свой поэтический сборник, где было и стихотворение о малой родине, исторически – Рудном Алтае Томской губернии. Казахскую границу батюшка прошёл легко и спокойно, а вот на российской угораздило же его пограничникам, осматривающим выложенные вещи, процитировать четверостишие из упомянутого стиха:

Выгорают расстоянья...

Не смиряться, не простить...

Расступись, россияне!

Дайте русскому пройти!

Баритон у отца Андрея еще тот, да и здесь, по его словам, он всю душу в голос вложил! Лейтенант и сержант сначала даже опешили, затем переглянулись и, как-то по-особому усмехнувшись, приказали загнать машину на отдельную площадку для более тщательного осмотра. Вот так за неосторожное слово батюшка и поплатился почти восемью томительными часами скрупулёзного досмотра и отвинчивания едва ли не самой затерянной в двигателе гайки и даже снятия колёс!

Зарегистрировавшись в миграционной полиции на два месяца, на следующий день я, конечно же, отправился на Холодный белок, в урочище Гладкое, где у меня с незапамятных времён своя «знамка»: целая альпийская поляна, заросшая черемшой-колбой, сочные стебли которой в мизинец толщиной, а высота вместе с раскидистыми листьями с семенниками до полуметра. Была вторая половина июня, и я надеялся еще полюбоваться цветением оранжевых жарков. Покосные луга за перелеском от моих угодий тянулись не на один километр, что в гору, что вниз, почти до спуска в ущелье к реке Сержихе. Когда-то при советской власти здесь, в порядке обязательной шефской помощи, заготавливали сено для местного совхоза горняки Тишинского рудника. Естественно, и луга были под присмотром, постоянно выкашивались, а значит, обновлялись, никакого чертополоха, чемерицы, полыни или репья на них не успевало произрасти; зато уж в начале лета в пору цветенья жарков – это были такие несказанные оранжевые озёра, что день смотри на их атласные переливы – и не наглядишься! Оно и теперь, когда луга эти сказочные заброшены, жарки островками, иногда и довольно обширными, радуют глаз, но о былом алтайском великолепии можно только с сожалением вздыхать.

Попутно замечу, что и купальницы – второе название жарков, и черемша в Республике Казахстан внесены в Красную книгу, якобы для сбережения их от варварского отношения со стороны людей. Но это как сказать... По собственным многолетним наблюдениям знаю, что чем ты чаще срезаешь стебли спелой черемши, тем она в другой раз ядрёнее и сочнее. Ведь, как правило, берёшь ту, у которой нет семенников, да и корень-то в земле, он не однолетка, остаётся живым, притаится до следующей весны, а там как выбросит в мир свой чрезвычайно целебный кустик, поглядишь, а он и глаже, и стройней прошлогоднего... И потом, если мы, дети шестидесятых и семидесятых годов, почти все летние каникулы пропадали в тайге – прибежим в посёлок закупить продуктов да проведать родителей, и опять на неделю в свои шалаши под могучими пихтами и кедрами, то сегодня встретить кого-нибудь на горно-таёжных серпантинах пешком маловероятно. Промчится ли кто на квадроцикле, прогромыхает ли по колдобинам на внедорожнике, и то это случается редко, раз либо два за весь день. Какие уж здесь злостные вырывальщики колбы и губители жарков! А вот то, что с годами невостробованная и неухоженная черемша израстёт да измельчает, сорняки задушат цветочное раздолье, и вообще всю эту трогательную красоту забьёт и угробит непроходимый дурбей – такое может случиться скорее всего. Всего-то два пандемийно-ковидных лета не был я на своей «знамке», а лопушистая и настырная чемерица уже изрядно потеснила с поляны черемшу, да и как той устоять против толстой и жилистой в стебле захватчицы, широколистной, увенчанной роскошным жёлтым султаном, где притаилась не одна сотня живучих, как и у всякого сорняка, семян. В прежние годы, поднимаясь сюда, я

первым делом срезал ножом все попадавшиеся мне побеги этой ядовитой травы (скотина, ни лошадь, ни корова её в свежем виде не ест из-за боязни отравиться, лишь скошенная и высушенная она годится в корм) и зорко следил, чтобы растение это не заслоняло и не забивало собой ни черемшу, ни дикий лук, что зеленел на склоне за ручьём.

Сегодня экологическая полиция – есть и такая в городе – и приданные им в помощь работники лесхоза в период созревания черемши стараются отловить на своих кордонах или в рейдах как можно больше добытчиков этого таёжного деликатеса, оштрафовать на достаточно крупные суммы или, того хуже, осудить на условный срок попавшегося человека, ослабить его в местных СМИ.

В своё время широкую известность, и не только в Казахстане, но и в России, благодаря острому репортажу на НТВ получила история одной старушки из села Черемшанка, что в двадцати километрах от нашего посёлка. Село не зря носит такое название – в его окрестностях колбы хоть литовкой коси! И местный народ вот уже более двухсот лет не только сам лакомится, но и выносит на рынок пучки этого необыкновенно полезного дара алтайской тайги. Пенсия-то не ахти какая большая, и решила бабушка маленько подзаработать, нарезав в тайге и принеся к деревенским торговым рядам аккуратно у междугороднего шоссе мешок черемши. Бедная старушка и раскрыть-то толком не успела мешок, а здесь – полицейская облава. Протокол, ретивые служаки не поленились, пересчитали все пучки по стебельку. Вышло восемьсот штук. Как раз на миллион тенге штрафа. Таких деньжищ женщина сроду и не видывала! А расплачиваться с пенсии – остатка жизни не хватит. Так ей еще вдогонку и условный срок навесили. Селяне-земляки встали на защиту старушки, собрали сколько-то денег, Наверное, сыграла свою роль и широкая огласка этого случая. По слухам, срок отменили, штраф сбавили... В самом же Риддере конец мая и весь июнь едва ли не на каждом углу стоят люди и продают пучками черемшу. И что удивительно: никакая полиция им не страшна, любо откупаются, либо в доле...

В этот раз на свою делянку я успел, моя любимая трава еще не задеревенела, сока не потеряла; срезалась, пусть и не так, как в первые дни своего цветения – от одного только лёгкого прикосновения лезвия ножа, но всё-таки ватной и тягучей волокнистости в ней пока было мало. Само то на пирожки и вареники или на засолку впрок. Вот уже лет двадцать я не знаю, что такое грипп, а всё благодаря этому растению. Чуть зашмыгал носом, почувял в теле слабость, достаю из холодильника полулитровую баночку колбы, отрезаю большой кусок хлеба, в кружку – тепловатой водички, всё съедаю, запиваю и в постель. Колба ведь еще та сон-трава! Через час-другой просыпаюсь, простынь и одеяло мокрые от моего пота, зато сам я как огурчик. И никаких последствий.

В слишком умных книгах через запятую идут наименования этого благословенного дикороса: черемша, лук сетчатый, медвежий лук, и как бы нехотя в конце приписывается – дикий чеснок. То, что это никакой не лук, видно невооружённым глазом: лист плоский, схожий с чесночным, стебель овальный, плотный, брызжет горьковатым соком. А где же лук? Да вот он рядом на склоне пышно зеленеет до метра в высоту, подходи, срезай. Полюй внутри, он тоже горький и сочный. Старообрядцы, что первыми в 17–18 веках осваивали эти труднопроходимые горные места, всегда заготавливали этот лук себе на зиму. Брали острые косы, окашивали луга, сгребали пахучий сырец, несли домой и сушили на чердаках

или в тенёчке под навесами. И никакой тебе цинги или другой авитаминозной напасти. Хорошо знали они и черемшу, однако никто из них никогда бы не догадался обозвать её луком.

Любопытен еще и тот факт, что упомянутое выше село, основанное кержаками поморского толка во второй половине 18 века в долине реки Ульбы, носит имя Черемшанка, но чтобы кто-то из местных это растение назвал черемшой, я ни разу за всю свою жизнь и не слышал. Только по-местному диалекту – колба, и никак по-другому. Что же касается облав и штрафов за заготовку, то и сами полицейские нет-нет да и обмолвятся, что мы, мол, понимаем, что с колбой что-то не так, и что она очень полезна для организма, иногда и сами покупаем поесть, и что вашу многолетнюю традицию трудно сломать, однако ведь и закон никто не отменял, а мы – исполнители его. Вот если кто озаботится этим и внесёт отменяющие запрет поправки в лесной кодекс республики, тогда, пожалуйста, заготавливайте себе на здоровье, сколько хотите... Надо заметить, что сегодня подавляющее большинство городских полицейских и кое-кто из лесников – это казахи-степняки, хотя еще каких-то тридцать лет назад в нашем рудничном Риддере людей так называемой коренной национальности проживало всего-то два процента, и то всё они были давно обрусевшими, но развал Союза, отток русского и русскоязычного населения внесли свои коррективы. Так вот, и эти ребята, приехавшие сюда со степной равнины, они понимают, да и видят, что черемши по таёжным распадкам и альпийским долинам столько, что при должной организации ею можно снабжать не то что весь Казахстан, но и экспортировать в соседнюю Россию. Но почему-то никому из власть предержащих нет до этого дела. А местный народ как ходил тайными тропками на свои заветные уголья, так и по-прежнему, несмотря на опасность быть пойманным, продолжает делать это, успокаивая себя тем, что, дескать, поставить на каждую тропку по охраннику, на это у властей никаких полицейских не хватит! И, усмехнувшись, люди резонно добавляют: «Да и потом, даже если вдруг и расставят, то кто же тогда настоящих преступников-то будет ловить?..»

Словом, я вволю полакомился и запаса впрок черемшой, полюбовался на отцветающие разливы жарков, а буквально на следующее утро звонок от Демьяныча:

– Как ты насчёт того, чтобы съездить на пару деньков на Проходной к Наконечному на базу? Алексей зовёт.

– Да я хоть сейчас!..

Сказано – сделано. Алексей Александрович наш давний друг. Он, как и Демьяныч, работает в республиканской школе Олимпийского резерва тренером по лыжным гонкам. Наконечный – первый наставник нашего земляка, знаменитого лыжника Алексея Полторанина, чемпиона мира и участника нескольких зимних Олимпиад, где Полторанин, кстати не единожды, входил в пятёрку лидеров. Построенная Наконечным лыжная база в высокогорье – это своеобразная изюминка и отдушина для тренирующихся и отдыхающих здесь. В пору, когда не только внизу, в долинах, но и по склонам вовсю буйствует роскошное алтайское лето, вокруг базы еще достаточно обширных и овальных снежников, на которых спортсмены на лыжах нарезают многокилометровые круги и восьмёрки. И так происходит едва ли не до середины июля, пока снежники от жары не истончатся.

Тренироваться сюда рады приехать не только со всего Казахстана. Частые гости здесь воспитанники детских юношеских школ из Барнаула, Новосибирска, других городов России. А если сюда прибавить еще и чистейший, как хрусталь, горный воздух, то такой благодати в мире – это надо еще поискать!

И вот мы поднимаемся на Проходной белок на внедорожнике по извилистым серпантинам, нарезанным вверх вдоль крутых горных склонов. Дорога от подножья сначала петляет через высоченный сосняк, вскоре его сменяет густой стоящий темно-зелёной стеной пихтач, а ближе к вершинам по обочинам её обступают и снизу, и сверху лиственницы и кедры. Из кабины отличный вид: на дне долины под нами отработанный карьер, отвалы и шахтные копры Тишинского рудника, за горкой от него высятся пятиэтажки посёлка 4-й район, а ближе к нам – 2-й район и Белый луг, здесь только школа трёхэтажная, остальные же дома и дачи в один-два этажа, зато все утопают в зелени садов и огородов, так называемый частный сектор.

На одном из очередных подъёмов Алексей, выбрав относительно ровную колею, останавливает машину, обходит её и достаёт из багажника несколько мешков, лом и лопату. Мы с Демьянычем тоже выбираемся наружу, разминаемся, хотя я пока еще и не пойму, что же будет дальше.

– Что, Алексей, решил корешка копнуть? Так он же значительно выше, от 14-го километра начинается?

– Да нет, Юрий Семёныч – не корешка, – Алексей улыбнулся и пояснил: – Надо штуки четыре лиственницы молоденькие наверх, как вешки, прикопать... Чтоб зимой дорогу указывали.

– Понятно. Давай пособим.

– А то как же!

Втроём мы вскарабкались по каменистому откосу на уходящую в гору полянку, на которой там и сям виднелись полутораметровые, с мягкой светло-зелёной иглой лиственницы. Нашли подходящую. Я вывернул дёрн и окопал деревце больше чем на штык в глубину. Поддел снизу лопатой, ребята бережно подхватили, – Демьяныч ствол, Алексей земляной горшок корня. Я бросил лопату и подставил под этот горшок раскрытый мешок. Аккуратно уложили. Подхватив лопату, закидал землёй, притоптал и прикрыл дёрном лунку. Всё, первый готов. Минут за тридцать таким же способом заготовили и отнесли в багажник все четыре мешка с торчащими из завязанных горлышек игольчатými верхушками. Не успели сесть в машину, смотрим, какит из-за поворота сверху по дороге УАЗик лесников. Остановились, живо повыпрыгивали наземь и к нам. Все русские, лица суровые, обветренные, типичные таёжники. Фуражки с кокардами, темно-зелёные брюки и плотные рубашки с петлицами, на ногах кирзовые сапоги с низкими голяшками.

– Здравствуйте! Что это здесь происходит? Кто разрешил? – обратился старший. Присмотрелся, видимо, узнал Алексея. – А, это вы...

– Да, он самый, – Алексей опять улыбнулся: – Здравствуйте! Еду к себе на базу. Вот решил попутно лиственниц пересадить, как ориентиры, ну, туда, где спуск ко мне и где больше всего зимой переметает.

– Похвально. Лишь бы прижились, а то ведь жарковато нынче...

– А я водички снизу захватил. Бадья в багажнике. Мало будет, моя вотчина рядом. Польём.

– Ну что ж, удачи, мужики!

Три года назад на белке Сметанинском, что через ущелье от лыжной базы, геологи искали золото. Нагнали бульдозеров, экскаваторов, буровых машин, поправили размытые дороги, по обрывистым обочинам даже отсыпали полуметровые бордюры. Если раньше на базу добирались лишь на вездеходах и приспособленной к бездорожью автомобильной технике, то в первые года два после того, как геологи, ничего не найдя, съехали, некоторые любители гор сюда поднимались даже и на такси. Теперь серпантины вновь кое-где выбиты размыты, однако ездить пока еще можно.

Вершина Проходного – это растянувшееся не на один километр горное плато с альпийскими лугами и скалистыми останцами, похожими на полуразрушенные средневековые башни, раскиданные по краю обвального Громатушинского ущелья, которое, кстати, в своё время посещал и исследовал великий русский ботаник и путешественник Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский. Самый большой останец из этой гряды сейчас взрывается, разбирается, и глыбы тяжёлыми КАМАЗами увозятся вниз, на камнетёсные фабрики, поскольку эти слегка расщеплённые скалы состоят сплошняком из ценного поделочного мрамора и габбро.

Есть и трагическая, уже из наших дней, страница и у этого плато на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря, и у коварной пропасти. В советские годы на заливных альпийских лугах с весны и всё лето паслись совхозные стада телят и быков и табуны лошадей. В конце мая со всех окрестных совхозов и колхозов сюда пригоняли молодняк, а к августу скотину было не узнать. За лето вполне пасшиеся животные вырастали, наливались телом, и в начале сентября через наши посёлки степенно шли уже матёрые и упитанные быки и уверенно рысили табуны подбористых коней. С развалом Союза совхозы приказали долго жить, и лет двадцать на высокогорные летние пастбища никто скот не пригонял. Однако в последние несколько лет теперь уже фермеры вспомнили об этих лугах, и вновь потянулись по серпантинам вверх гурты телят и лошадей, правда, были они пожиже, чем те, советские, но главное, что были. И это радовало глаз.

Вот и в тот жаркий день конца июля 2018 года ничего не предвещало беды. Табун лошадей в сорок голов мирно пасся недалеко от ущелья в логу у недавно пересохшего ручейка, трава здесь была волнистой и сочной. Лёгкий ветерок сдувал надоедливых слепней и мошку. Табунщики, трое молодых казахов, расседлали своих коней и тоже отпустили пастись. Те щипали травку чуть поодаль от табуна, так как вожак, высокий в холке и с широкой мускулистой грудью жеребец-пятилетка, этих покладистых меринов из ревности мог запросто и покусать, и изувечить.

Примерно в эти же часы я, помнится, карабкался на соседний, параллельный Проходному белок Сержинский по тропке среди роскошных ковров буйно цветущего иван-чая; цель у меня была навестить Кедровую яму и лошины у снежников и прикинуть, каков будет нынче урожай шишек и черники. Я только что вылез на вершину, где между осанистых кедров живописно расположилась гряда выветренных причудливых скал, с нишами и навесами, как вдруг неизвестно откуда налетел шквалистый ветер, а с запада из-за горизонта вывалилась огромная тёмно-лиловая туча и, посверкивая молниями, поползла в нашу сторону. Причём ползла она клином, неширокой, клубящейся полосой, вертикально закрывающей полнеба, и была по-настоящему страшна. Я отыскал глазами подходящее углубление в скалах, чтобы укрыться и не промокнуть от неизбежного ливня.

Перед тем как нырнуть туда, бросил взгляд в сторону тучи. Если ещё минуту назад было понятно, что это косматое чудовище обязательно наползёт на мою вершину, то сейчас туча почему-то резко взяла вправо и по склонам и распадкам через хребет поплёрла напрямиком на Проходной белок. Левым крылом она накрыла и вершину. Из-под навеса мне было хорошо видеть, как косо брызнули первые струи ливня, и тут же, нагоняя их, из лиловой темени нависшей тучи густо посыпались, теряясь в высокой альпийской траве и отскакивая от пологих скальных плит, крупные градинки, каждая величиной с воробьиное яйцо.

– Вот это да! – невольно вырвалось у меня.

И мелькнуло: а если бы эта буря застала меня на подъёме посреди лугов иванчая? Без синяков бы точно не обошлось! Минут через пятнадцать туча истаяла. Вновь светило солнышко и выпаривало, высушивало всю округу. Я выбрался из своего укрытия, прошёл по склону, заглянул в кедряч: шишки и черники нынче, как говорится, валом. Можно спускаться обратно. Пели птицы, умытая внезапной грозой природа ликовала, дышалось легко, настроение такое, что хоть песни пой! Однако едва завернул из-за скалы в давешний лог, как сердце упало: вместо розовых разливов зарослей иванчая передо мной зловещей лентой лежал чёрный, будто только что перепаханный острыми лемехами склон, на котором кое-где еще виднелись груды льдистого, в спёкшихся шариках размером с куриное яйцо, снега. Под пихтами, что обрамляли луг, были разбросаны игольчатые лапки, оторванные градом.

На следующий день случайно встретил в посёлке Алексея Наконечного. Остановились, разговорились. Оказалось, он только что приехал со своей лыжной базы. Я спросил, а не задело, мол, вчерашней бурей его поселья.

– Слава Богу, обошлось. – Алексей вздохнул: – А вот чуть выше меня кони ушли в пропасть, табун в сорок голов. Вожак был хоть и резвый, да глупый и молодой. Нет бы ему увести табун назад в кедровник, оно хоть и навстречу граду, но, я думаю, пройти можно было; более опытный так бы и поступил. А здесь еще и ребята, казахи-табунщики, растерялись и не успели завернуть его, носились бестолково по логу... Как еще сами не ушли за табуном в эту пропастьину! Вчера, когда разъяснилось, пошли туда, и первое, что бросилось в глаза: лощина, где паслись кони, вся выбита до грязи и камней, ни травинки, ни цветочка, стоят голые палки от карликовых кедров, всё перерыто и черно. С обрыва глянули вниз. Зрелище не для слабых, там же скалы и выступы острые, как бритвы. Как они, бедные, летели! Высота-то метров семьдесят, не меньше... Видимо, вожак ошалел от ударов града и понёсся вперёд напролом, а темень-то была кромешная, я же наблюдал из окошка. Кобылицы и жеребцы, естественно, за ним... А ведь известно, когда паника, то первые в толпе, даже если захотят развернуться и уйти от смерти, то кто же им даст! Задние-то напирают и сталкивают, а потом и сами туда же! Вот горе-то мужикам, чьи эти лошади...

– А чьи? Хозяева-то из наших?

– Да, двадцать – фермера Дудкина. Остальные – сборная солянка по два-три коня от ребят из бывшего совхоза.

– Мясо-то хоть достали?

– Какое там! Так лежат, что ниоткуда не подобраться. Теперь разве что медведи, когда завоняет – эти-то везде пролезут... Да и стервятники уже тут как тут... слетелись...

Это печальное происшествие отныне чёрными строками вписано в летопись наших мест как предостережение от того, что может случиться, если здесь, в горах, расслабиться и потерять бдительность. И что никогда не нужно забывать о том, что рудно-алтайские белки не только необычайно своеобразны и красивы, но и всегда полны неожиданности, порой и весьма зловещей...

Но вернёмся к повествованию. Кроме того, что Алексей Наконечный талантливый тренер, он еще и толковый предприниматель. В своё время перекупи дышащее на ладан двухэтажное здание поселковой бани, отремонтировал, пристроил помещения, на втором этаже разместил гостиницу для приезжающих спортсменов, а в крыле первого оборудовал детский центр, где мамы с ребятами могли бы заниматься познавательными играми. Поселковый пустырь, прежде бесхозный, где паслись и бродили коровы и овцы, огородил и на его косогорах отладил отменную лыжную трассу, на которой сегодня можно встретить не только юных спортсменов из школы олимпийского резерва, но и учеников местной общеобразовательной школы № 17, которую когда-то заканчивал и я. Здесь у ребят зимой проходят уроки физкультуры. И видели бы вы лица учеников, пунцовые от мороза, с инеем на ресницах, но такие счастливые и, я бы даже сказал: одухотворённые!

Да и сама высокогорная лыжная база, на неё мы только что приехали, – это не только внушительное деревянное здание, внутри которого кухня, столовая, десяток уютных комнат, библиотека и холл на втором этаже, но еще и спортивный зал в отдельном помещении под скалистым, увенчанным кедрами утёсом, и просторная баня на склоне в полпути к водоёму.

Великолепное и рукотворное озерцо тоже имеет свою историю. Помните геологов, что рядом искали золото? Так вот для буровых установок необходимо большое количество воды. На территории базы с вершины белка двумя рукавами в пологий ложок сбегали ручьи. Один вырывался из недр чуть выше бани, был холодным, температура воды что летом, что зимой четыре градуса. Второй бежал по ложине со снежника.

В начале геологических работ к Алексею подошёл бульдозерист и попросил его разрешить вырыть небольшой котлован на слиянии этих ручьёв, чтобы удобней было зачерпывать воду для буровых. Наконечный согласно кивнул, а потом вдруг сам обратился к мужику с необычной просьбой:

– А не сможешь ли выкопать – но не котлован, а нечто пошире и поглубже, что-то вроде небольшого озера с запрудой?

– Почему бы и нет. Вы с добром, а мы что же?.. Только начальнику партии скажите, чтобы был в курсе.

Опытный бульдозерист умело срезал берега, углубил ложину, нагрёб высокую и широкую каменисто-земляную плотину, утаптывая, проехался гусеницами пару раз по ней и отбыл к буровым. К вечеру водоём наполнился, а к утру вода посветлела и стала такой прозрачной, что можно было без особого труда разглядеть на дне любой камешек. Чистейший, студёный до ломоты зубов, и, по мнению моих земляков, весьма оздоровительный источник. Наберёшь в эмалированную кружку такой водички, поставишь на камушек, отвлечёшься на что-нибудь, вспомнишь, опять протянешь руку и чертыхнёшься про себя: что ж ты, дурень, воды-то на зачерпнул? Потому что её просто-напросто не видно, до того она прозрачна!

Предприимчивый Наконечный решил здесь разводить форель и уже договорился с рыборазводными хозяйствами под Усть-Каменогорском о закупке мальков этой царской рыбы, но грянула ковидная пандемия, приволокла с собой всякие глупые и немыслимые ограничения, и планы пришлось на какое-то время отложить. Однако задумка никуда не делась, и теперь Алексей лишь ждёт удобного случая, чтобы осуществить свою мечту.

На базе бывал я не раз. Лет пять назад в начале сентября мы с друзьями здесь отдыхали несколько дней. Захватили и солнца, потом захмарило, задождило, а в ночь перед спуском домой выпал снег в колено. Оно бы всё ничего, КАМАЗ-вездеход на вершину выбрался бы легко, а там по серпантинам вниз, хоть и с предосторожностями, но скатился бы. Однако что-то произошло с аккумулятором, и мотор никак не заводился. Мы вдвоём с Иваном Кузьмичом, бывалым таёжником и охотником, не стали ждать, а решили идти пешком. Оставили в салоне рюкзаки, Кузьмич кликнул свою лайку Дару, и по пушистым сугробам, благо снег еще не успел слежаться, наладились в многокилометровый (до посёлка 22 км) поход. Весь световой день ушёл у нас на дорогу. Снежные переимёты тянулись почти до самого подножия Проходного, а там тоже не ахти какая благодать – раскисшая грязь, сырость, крупные капли дождя свисают с пихтовых и сосновых лап, чуть заденешь и – тебя так окатит, что бр-р! Но по опыту знаю: стоит лишь раз промокнуть, а там и привыкаешь как к неизбежности, и не обращаешь на это никакого внимания. Организм собран, все внутренние ресурсы в тонусе, и мысль чёткая и бесшабашная – только вперёд! Остальные ребята на КАМАЗе спустились с белка в тот же день, но уже затемно – долго грели и сушили в доме у печи снятый аккумулятор, зачищали клеммы, заводили машину. Потом они говорили, что им здорово повезло. Бывает, что снега на такой высоте ложатся и в сентябре, а тают только к июню. При этом сугробы достигают пяти-семи метров, видно одну лишь крышу базы. Некоторые местные рыбаки – в одной из долин дальше в горы хариус в речке Марчихе крупный и жирный – случается, из-за таких вот причуд погоды вынуждены бросать свои УАЗики и «Нивы» до весны, чтобы самим со всякими приключениями пешком выбирать. Не зря ведь подмечено: охота хуже неволи... По прибытию на базу наскоро перекусили, Демьяныч с фотоаппаратом ушёл в распадок снимать причудливые скалы, а мы с Алексеем оседлали гнедую кобылицу Машку и серого, в яблоках, жеребца Красавчика и через альпийский луг по оранжевым разливам жарков, мимо овального снежника – на нём сейчас тренировались лыжники – поскакали по направлению к башням останцев на краю ущелья. Оттуда открывалась завораживающая панорама города Риддера внизу и расходящиеся от него вкруговую циклопическими каменными волнами отроги и цепи Ульбинской и Убинской горных гряд.

Алексеева кобылица привычно рысила, а мой Красавчик, как взял хороший шаг, так и не мог я, сколько ни давал шенкеля каблуками сапог, заставить своего коня перейти на рысь.

Алексей придержал Машку и, обернувшись, крикнул:

– Парень-то еще тот! Повадливый... Да и рысь у него вразброс...

И точно, едва я уломал коня и он пошёл рысью, я заболтался в седле, как пестик в ступе. К такой тряске и не приладишься! Поэтому, подтянув уздечку, заставил жеребца вернуться к прежнему ходу, зато уж шаг-то у него, надо сказать, был по-настоящему отменный. Сидишь, как на троне, и с удовольствием оглядываешь

все наши несказанные окрестности. Какую-то часть пути пробежали галопом, вот здесь-то у меня замечаний не было. Выехали на вершину к геодезическому тригопункту, за которым в десятке метров тот злополучный отвесный обрыв в пропасть. До треноги жеребец шёл беззаботно, а поравнявшись, встал как вкопанный, прижал мохнатые уши и, мотая головой, захрипел. Затанцевала на месте и шедшая впереди кобылица.

– Что-то не то, Алексей! Поди обрыва бояться?

– Да нет, скорее всего, просто так взбрыкнулись...

– А я вот думаю – тут другое! Память... отметина у этого места чёрная...

Кони чувят, вот и не идут.

– Больше трёх лет прошло – если что и было, всё давно выветрилось.

– Это для нас, верхоглядистых и самонадеянных, может быть, так, а у коней, я слышал, свои особенности. Бывалые люди говорят, что стоит лошади пройти всего один раз, она этот путь всю жизнь помнит. И я верю. Они и видят, и слышат, не то что мы. Приходилось же ночью верхом спускаться где-нибудь по крутой тропе? Тьма, хоть выколи глаз, ехать боязно, а поводья опустить, дашь волю коню, и он ни разу не споткнётся, вывезет тебя целёхоньким из любой чащи!

– Это да, согласен. Спешиваться будем, чтоб туда заглянуть? – Алексей указал рукой в сторону ущелья и деловито добавил: – А коней пока привяжем к треноге, чтоб не удрали на базу...

– Что-то расхотелось. Поехали на луг. Там привольней.

Вечером нас ждала баня, да не простая, а царская! Пока мы катались, Демьяныч затопил печь, сходил в соседний кедрчак, нарезал пушистых и ароматных лапок и теперь устлал ими весь просторный полоч в раскалённой до 120 градусов парной. Вы когда-нибудь лежали, сладко потея и млея, на мягких хвойных перинах, зарывались в них? Умывали распаренное лицо охапками душистой хвои? Вдыхали глубоко, полной грудью, насыщая и оздоравливая целебными смолистыми эфирами свои лёгкие? А потом этими же лапками, собранными в роскошные веники, охаживали себя и друг дружку что есть силы? Если пока еще не посчастливилось – очень рекомендую! Крылья вырастают... Особенно если сразу из парной да в ледяной ключик, охолонуть и пробежать опять в парную под золотистыми ночными звёздами, они здесь, на высокогорье, так близко и густо, что, кажется, протяни руку – и бери любую.

По дороге с базы, едва лишь появилась сотовая связь – наверху её трудно было поймать – телефонный звонок, да такой знаменательный. Зинаида Степановна Андриянова, заведующая литературным отделом городской библиотеки имени Гоголя, приглашала съездить на однодневную экологическую экскурсию в Западно-Алтайский ландшафтный, включающий в себя зоны горной тайги, альпийских сырых лугов, высокогорной тундры и белогорье, заповедник, что на границе с Российской Федерацией. Я сразу согласился и спросил, а можно, мол, и Александра Исаченко с собой взять?

– Обязательно, – последовал ответ. – У нас в группе много местных прозаиков и поэтов из литобъединения «Писатели Рудного Алтая». Они всегда рады встрече с вами. Да, чуть не забыла: надо заранее выслать мне копии ваших паспортов на пропуски для пограничников.

– Сегодня же вечером будут...

Дорога до заповедника после посёлка Коноваловка, расположенного на восточной окраине города, резко брала в гору, и была отсыпана, как говорят специалисты, в черновом варианте, то есть не асфальтированная, а щебнистая, но неплохо укатанная, и потому трясло не очень. Её на стыке столетий пробивали в Горный Алтай, взяв за основу старый лесовозный тракт. Многие помнят, что в советское время границы между союзными республиками были обозначены условно, лишь на географических картах. Никто же не предполагал, что так не по-человечески всё обернётся... А в те годы в нашем городе существовало два леспромхоза: Абайский и Лениногорский. Если второй занимался рубкой леса в окрестностях города, то Абайский заготавливал древесину на территории РСФСР, в Усть-Коксинском районе, благо до него рукой подать – не более 35-40 километров, а по так называемой ойротской тропе, по которой еще с времён царя Гороха гоняли скот из Монголии на городской мясокомбинат, и того меньше. И вот кому-то из казахстанских верхов пришла в голову мысль реконструировать этот ухабистый, разбитый лесовозами тракт в самую современную и отвечающую всем требованиям автотрассу до границы с Россией, а там, дескать, уже забота россиян обустроить шоссе до самого Барнаула. Предполагалось, что это не только снимет с Риддера обидное клеймо «конца географии», переведёт его из разряда города хронически тупикового в транзитный, но и значительно сократит время и расстояние по доставке грузов из среднеазиатских республик в Сибирь и обратно.

Вначале всё шло хорошо, до границы с Россией отсыпали, утрамбовали и уже намеревались покрывать асфальтом эти затяжные серпантины, да вот беда – устроители забыли спросить малый народ – российских алтайцев: а нужна ли им эта дорога? Когда же спохватились и спросили, те категорически ответили – нет. Здесь, мол, у нас пастбища, маральники, охотничьи угодья, реликтовые кедры, девственная природа. Пока добираться к нам не каждому по силам, а вот когда, не дай бог, всё заасфальтируют, то и браконьеры, и вся криминальная шушера попрут сюда валом... И что же останется нам?

На своём курултае старейшины жёстко запретили что-либо строить на их высокогорных благословенных землях. Не знаю уж, закрепляли ли они свою резолюцию характерным предупредительным высказыванием местных охотников-алтайцев: «пулька маленькая, а далеко летает...», но даже и сам глава Республики Алтай не смог переубедить коренных жителей этой Шамбалы и вообще не сумел ничего предпринять, поскольку в РФ существует закон о малых народах, и никакому главе через него ни за что не переступить... Алтайцы и на создание заповедника на своей территории наложили непреклонное вето, потому как в охраняемых местах не то что козулю или белку подстрелить, но и цветка сорвать нельзя. А как же нам тогда жить?.. – вопрошали насельники гор.

Зато с казахстанской стороны статус Западно-Алтайского заповедника удалось закрепить буквально сразу после развала Советского Союза. И огромная заслуга в этом нашего земляка, писателя-натуралиста, учёного-орнитолога, кандидата биологических наук, члена Союза писателей России Б. В. Щербакова. Как рассказывал Борис Васильевич, дело происходило так: в 1992 году в Алма-Ате состоялось заседание правительственной комиссии по вопросу создания в Восточном Казахстане на границе с РФ заповедника. Об этом Щербаков хлопотал еще при СССР, все документы были собраны и подготовлены. И теперь решалось:

утвердить или отклонить рождение охраняемой государством территории. Некоторые колебались, мол, не время... молодой независимой республике якобы не до того... надо бы отложить. Пригласили в зал Бориса Васильевича. Он без долгих разговоров выложил перед ними папку и несколько цветных фотографий, на которых были запечатлены шесть растущих в ряд на скалистом склоне могучих кедров, ствол каждого охватить могли лишь не менее пяти взрослых, раскинувших руки мужчины, что и было продемонстрировано на представленных выразительных фото.

– А каков примерно возраст этих кедров? И где это? – спросили члены комиссии.

– В зоне предполагаемого заповедника на Линейском белке, у границы с Россией. Их возраст мы узнали при помощи специальных полых буров. Пробурили до сердцевины, извлекли древесные керны. Тщательно подсчитали годовые кольца...

– И сколько же лет этим алтайским исполинам?

– По тысяче каждому. У меня есть и документально заверенные доказательства. Они в лежащей перед вами папке, – Щербаков сделал движение рукой в сторону стола и подытожил: – Стоит отметить, что кедров, подобных нашим, на земном шаре нигде больше нет. Они уникальны.

Этот факт, видимо, настолько впечатлил членов комиссии, что в тот же день решение о создании Западно-Алтайского заповедника было принято. Думаю, здесь будет уместно добавить, что недалеко от этих, здравствующих и по сей день кедров, через два альпийских луга в распадке и донине поблескивает солнечными бликами изумительный по красоте горный прозрачный водоём, указанный на всех географических картах как озеро Щербакова. Бревенчатые избы заповедника, конюшня, баня и беседки для отдыха уютно расположились в кедровой роще под крутой горой, которая, скорее всего, из-за двух своих острых скалистых вершин имела необычное и замысловатое название – Мясные вилы. Въезд на этот лесной кордон перегораживал полосатый шлагбаум, однако нас ждали, и сейчас он был поднят. Задерживаться надолго здесь не стали, а напрямик поехали дальше в горы, где на перевале перед спуском в пойму Чёрной Убы начиналась тропа экологического маршрута № 5. Наш гид, работница заповедника Татьяна Владимировна Эктова, кратко проинструктировала, что рвать жарки и дикие пионы, а также лакомиться лопушистым ревенем, зазывно зеленеющим вдоль тропы, запрещено законом, так же как и обламывать хвойные ветки. Можно только любоваться красотами и наслаждаться чистейшим воздухом. Пятикилометровая тропа вверх посреди громадных плит и замшелых россыпей, в теснинах скал, между лиственниц и кедров, карабкается на останцы, отдых на альпийском лугу у студёного ручья, и вот они – отвесные базальтовые стены по гребню Линейского белка. Название у этих каменных гряд интересное и грозное – Бастионы. Вид отсюда обзорный. За спиной у нас лесистая лента в створе между хребтами, наклонно уходящая туда, откуда мы прибыли, в долину города Риддер. Внизу перед нами распростёрлось болотистое урочище Гульбище, которое своей противоположной стороной плавно переходило в покрытый снежниками белок Холзун; чуть левее, у подножия соседнего Коксинского белка, хорошо просматривались здание казахстанской погранзаставы и светлый серпик дороги, логом поднимающейся на горное седёлко. Дальше, как пояснила наш экскурсовод, – Россия. Я прикинул на глаз расстояние – напрямую не больше

пяти-шести километров. Однако в Россию этим путём не попасть, здесь даже нет оборудованного пункта перехода границы, и чтобы её пересечь, нужно ехать за разрешением чуть ли не в Астану, а это почти тысяча километров. Ну, это так, к слову. А пока что я забрался на возвышающуюся над другими скалами плоскую шершавую плиту и оттуда энергично помахал обеими руками и сцепил их над головой, посылая горячий привет большой России с моей малой родины.

Западно-Алтайский заповедник... Поднимаясь на Бастионы, наша группа растянулась по тропе – люди разные, и по возрасту, и по здоровью. Впереди шла Эктова, поминутно останавливалась, рассказывая о тех или иных достопримечательностях, о судьбе и особенностях этих мест, тем самым давая перевести дух следовавшим за ней. Шествие замыкала Наталья Викторовна Премина, старший научный сотрудник заповедника. Я шёл рядом с ней, на тот случай, чтобы, если вдруг кто-то из впереди идущих выбьется из строя, помочь человеку, приободрить. Так, где-то на середине подъёма мы нагнали двух отставших женщин в годах. Они сидели на валуне и на мои обнадеживающие слова, что вот, мол, уже почти дошли, самую малость осталось, отрицательно замотали головами: всё, больше не можем... Я сбегал в соседнюю кедровую рощу, отыскал там сухие сравнительно крепкие сучья и вручил им в качестве посохов. А попробуйте, мол, так. И, не спеша, мы продолжили путь.

На альпийском лугу перед Бастионами, когда нам открылась захватывающая перспектива цепи гор с белоснежными вершинами и лесисто-скалистыми плато, Наталья указала рукой на один из живописных распадков вдаль:

– Видите, вон там своеобразная просека? Это место перехода лосей, маралов, изюбров, косуль и других копытных из Горного Алтая в заповедник. Каждую осень они мигрируют сюда, здесь зима помягче, и корма достаточно. Да и нет опасности быть подстреленными браконьерами или быть напуганными рёвом снегоходов.

– Так это же просто замечательно, Наталья, – поддержал я собеседницу и вздохнул: – Чего нельзя сказать про другие окрестности нашего города...

И я поделился свежими наблюдениями и впечатлениями, что отложились в моей душе в этот приезд на родину. К примеру, в ущелье посёлка Кедровка вот уже несколько лет работает база проката снегоходов, и не только их. Есть гусеничный зимний вездеход, оборудованный для перевозки пассажиров. С ноября по март на нём горнолыжники, любители острых ощущений, забрасываются на Сержинский белок, чтобы оттуда по почти отвесным склонам, расчищенным от леса и оборудованным под слаломные трассы, скатываться в Кедровку. А рядом, на 2-м районе, кроме уже действующей спортивной вип-базы, быстрыми темпами возводятся еще две, и эти тоже с прицелом на богатых и продвинутых клиентов из Астаны и Алма-Аты, Барнаула и Новосибирска, Челябинска и Екатеринбурга, и даже Москвы. И, по разговорам, строят их люди весьма денежные, столичные. Существуют и более скромные по размерам места проката, этим занимаются местные фанаты лыжного спорта и наших гор.

– С одной стороны, Наталья, это неплохо для развития города, активный и полезный для здоровья отдых, опять же дополнительные рабочие места... А то ведь, кроме шахт и рудников да заводов с вредными выбросами, что у нас есть? Однако, если посмотреть под другим углом – вся первозданная красота будет потеснена, живность или погибнет, или разбежится. Недавно встретил старого

друга охотника-собольяника Колю Светочева. У него уголья в Громатушинском ущелье, за Реутовым шишом. Спросил, как прошёл сезон. Он ответил, что никак. Снегоходами всех зверей разогнали. Если раньше он брал с этого участка до двенадцати соболей, то нынче всего парочку. Уходит зверь подальше от людей... И поэтому, Наталья Викторовна, ваш заповедник – он ой как нужен!

– Согласна. Вон, посмотрите вниз – видите на продольном холмике у Гульбища большую полосу поваленного леса. Это кедрач. Его в десятом году угробил страшный ветровал. Стволы ровные, как на подбор, строевые. Наше руководство запрашивало министерство, чтобы хотя бы часть вывезти для своих нужд, а также использовать при строительстве гостиницы ихозпостроек. В ответ пришло категорическое «нет». В заповеднике ничего трогать нельзя. А сейчас, обратите внимание, из этих завалов уже проросли молодые кедры. Природа сама всё управит и восстановит...

– Да, а вот если бы дали отмашку, то трактора и лесовозы уж точно бы всю плодородную почву так изнахратили, что новый кедрач проклюнулся бы в лучшем случае лет через пятьдесят.

Спустя неделю я уезжал из милых сердцу мест. Загашиваться не в моих правилах, да и надо было возвращаться в Подмоскowie к своим летним страдным делам. Русскому человеку без участка земли, в моём случае пяти дачных соток за Сергиевым Посадом, жить не очень. Где ты еще сможешь пробежаться босиком по волнистой травке-муравке, запустить руку в лопушистую грядку и радостно сорвать первый пупырчатый огурец? Да просто полежать на матрасе в прохладной беседке, увитой плетями и листьями декоративного винограда? Или зайти в теплицу с помидорами, где на высоком овальном потолке гирляндами висят и переливаются прозрачные капельки воспарений, и окунуться в жаркий и духовитый запах политых с вечера кустов? Или где ты еще сможешь так вот просто и бездумно побродить по тропкам в цветнике среди оранжевых лилий и багровых пионов, пышно-белых гортензий и благоухающих роз?

Обе границы проехали ночью без приключений. На казахской в салон нашего автобуса, следовавшего по маршруту Усть-Каменогорск – Новосибирск, прежде чем мы отправились на пропускной пункт, зашёл сержант с небольшой собачкой, она привычно пробежала между рядов, пообнюхала всё и, виляя хвостом, вернулась к хозяину. На российской же нас только попросили выложить все баулы и рюкзаки из багажного отделения на низкий помост, а самим идти в помещение регистрироваться. Кто-то из пассажиров негромко пошутил: дескать, зачем нашим погранцам четвероногие помощники, у них самих нюх похлеще собачьего. Некоторые даже улыбнулись...

Люблю ездить по дорогам России. В первых числах июня посчастливилось с группой писателей побывать на Пушкинских чтениях в Болдино. Из Нижнего Новгорода на микроавтобусе три часа неслись с ветерком по приволжским увалам, мимо селений с белокаменными храмами, через луга и леса. Шоссе широкое, асфальт гладкий, ни колдобинки, ни ямки. Так бы ехал и ехал! Те же самые чувства испытал и сейчас, когда наш автобус миновал каменный мост через Обь в Барнауле и помчался по разделённой отбойником надвое недавно реконструированной автомагистрали, что ни на есть современной и безупречной во всех смыслах. Дорога прямая, сразу от обочин бор корабельных сосен

и указатели с названием деревень, до каждой из которых асфальтированные и размеченные повороты. На границе Алтайского края и Новосибирской области автобус притормозил и свернул к четырёхэтажному кирпичному зданию с высоким остеклённым крыльцом.

– Остановка на полчаса, – объявил водитель по громкой связи. – Столовая на втором этаже.

Я вышел размять затёкшие ноги. Огляделся. На площади стояли фуры, автобусы, легковушки. Поднял глаза вверх и на фронтоне здания прочитал: «Грань Алтая». Ну, думаю, пойду, ознакомлюсь, какая она, эта грань. По широкой мраморной лестнице взбежал на второй этаж и попал в столовую, просторную, с высокими потолками, с застеленными скатертями столами в два ряда и раздачей за хромированными решётками, ну, точно, как в советских заводских и фабричных заведениях подобного рода. Сразу захотелось чего-нибудь перекусить. Взял разнос и пошёл выбирать, что себе взять. А выбор, я скажу, оказался впечатляющим. На первое – борщ, окрошка, солянка, уха, лапша, грибной суп, рассольник, щи. От обилия вторых блюд тоже глаза разбегались. Я уж не говорю про салаты, морсы и напитки. Словом, набрал много и вкусного, подошёл к кассе рассчитаться. И здесь приятный сюрприз. Я-то предполагал, что рублей в шестьсот-семьсот всё обойдётся, а вышло всего-то триста пятьдесят.

Этой автотрассой я регулярно езжу без малого сорок пять лет. Видывал всякое. В послесоветские годы здесь, как грибы после дождя, выросли кафе и закусочные, и теперь уже не надо было брать с собой в путь жареных куриц и варёные яйца с ломтем хлеба и бутылкой молока. Всё бы хорошо, однако цены то кусались, но деваться было некуда... А сегодня вон какое удивление! И что еще на душу ложилось, так это – посуда: тарелки объёмные, фарфоровые, а не какие-то там, будто ворованные, пластиковые. Порции щедрые, сибирские! Ложки, вилки металлические, из нержавеющей стали. И стаканы настоящие гранёные, стеклянные. Оказывается, всё умеем, когда захотим!

И еще пару слов по теме. Помните гоголевское: «... в России две беды – дураки и дороги». Хочу разочаровать тех, кто к месту и не к месту мусолит эту «крылатую» фразу. Уж про дороги-то точно давно устарело. Кто сомневается, пусть садится за руль своего авто и проедется по стране. Да, есть у нас и медвежьи углы, есть и направления вместо дорог, но ведь и государство-то наше самое большое по территории. А для сравнения рекомендую заехать в тот же Казахстан, где часто можно попасть на шоссе, которые капитально не ремонтировались с времён распада Союза; уверяю, что путешествие по ним не даст вам посидеть безмятежно и пяти минут. Я пожил немало, жизнь знаю не по картинкам и телевизору, и прекрасно помню, что было раньше в России с теми же дорогами, и что теперь... Что касается дураков, их хоть пока еще и хватает, но оглянитесь вокруг и наблюдайте в масштабах всей планеты: по моему глубокому убеждению, на хвалёном Западе и в пресловутых США количество неадекватных людей, причём с уклоном в хроническую бесноватость, значительно превосходит все наши показатели...

Из Новосибирска до Москвы поездом больше двух суток пути. Кто как, а я всегда с нетерпением предвкушаю это время. Люблю, когда моё плацкартное место рядом с проводниками, первое или третье, а если боковое, то сорок девятое либо пятьдесят первое. И титан с кипятком в двух шагах, и свежий воздух

из тамбура на остановках. Хотя сегодня почти во всех современных российских вагонах действуют кондиционеры. И вообще много всяких удобств для путешественников. Например, зарядчики для сотовых и ноутбуков на внешней стенке под откидными столами, индивидуальные светильники у каждого в изголовье. Два туалета с вакуумными вытяжками располагаются в конце вагона. Мало того, теперь в этих уборных комнатах за перегородками имеется душ и даже специальный чистый столик, чтобы перепеленать младенца. И еще из нововведений: курение в тамбурах строго-настрого запрещено, только на перронах при стоянках. Хорошо и то, что сегодня поездки в основном трезвые – распитие спиртных напитков, пьяные дебоши недопустимы. Наряды транспортной полиции всегда рядом.

Но главное всё-таки не в этом, а в том, с какими интересными и умными людьми ты встречаешься в пути. Как-то подсчитывал, сколько времени я провожу в поездах. Бывали периоды, в которые по железной дороге я путешествовал в общей сложности до полутора месяцев за год. Раза три-четыре ездил из Москвы на родину (туда почти четверо суток и обратно столько же), из Риддера то в Сrostки на Шукшинские чтения, то на Южный Урал к родне, то на Байкал к студенческим друзьям, то в Вологду.

Когда мне кто-то говорит, что всё, мол, народ наш измельчал, каждый за себя, русских не осталось, и городит прочую чепуху в таком же роде, я, не дослушав эти стенания, рекомендую тому человеку пойти на вокзал, взять билет в плацкартный вагон на поезд дальнего следования, желательно Москва – Владивосток, и за десять суток пути он познакомится и с народом, и узнает много нового и познавательного для себя. Дорога хорошо лечит. Надо только захотеть.

Мытищи, Подмосковье

